

— Дома я подробно рассказал о своей поездке Сашеньке и маме. Идея устройства Сашеньки в Ладушкине по размышлению всё более привлекала меня. Мама, похоже, была склонна поддержать эту идею, во всяком случае она видела её положительные стороны, а вот Сашеньку такой поворот в моих намерениях сначала обескуражил и, может быть, даже испугал.

— "Что же это - значит, жить порознь? А как же Ленинград, в который мы так стремились?" - расстроенным голосом спрашивала она. Действительно, получалось так, что сам-то я остаюсь в Ленинграде, а жену с ребёнком собираюсь запихать в дыру какую-то, в деревню за тридевять земель.

— Я успокаивал Сашеньку обещаниями жить в основном с ней, в Ладушкине, так как работа у меня теоретическая (это уже действительно определилось), на станции есть научная библиотека, нужные мне журналы, на кафедре моё отсутствие вряд ли будет кого особенно волновать, обстановка там демократическая, Борис Евгеньевич, конечно, пойдёт навстречу.

— А главное, никакой приемлемой альтернативы вообще ведь нет. Прописка в Ленинграде есть только на год; сколько времени хозяин комнаты на Чапаева согласится её сдавать - неизвестно. Работы для Сашеньки нет и не видно никаких вариантов, а надо же и дочь самим растить. Мои хождения с пропиской, поисками жилья и работы для Сашеньки позволили, наконец, мне самому прочувствовать идеалистичность наших мечтаний и оценить реальную сложность, а, может быть, и неразрешимость проблемы устройства нашей будущей жизни (с ребёнком!) в Ленинграде.

— Но то, что становилось ясным мне из приобретённого личного опыта, было не столь убедительным для Сашеньки. Если бы она сама ходила в милицию, на Малков рынок, искала работу - то, возможно, давно бы уж и бросила всякие попытки чего-то добиться. А так она узнавала лишь об окончательных результатах моих хлопот - и они же были положительными, в конце-то концов!

— Столько уже сделано, осталось вроде совсем немного, ну неужели хоть какую-нибудь работу в Ленинграде нельзя найти?

— А стоит ли игра свеч? - возражал я. - Жить в тесноте, неизвестно куда ездить на работу, если она и найдётся, оставить дочь на попечение бабушек, - а ради чего? Если же и дочь самим растить в Ленинграде, то не погрязнем ли мы в хлопотах и заботах настолько, что на диссертацию у меня ни времени, ни сил не останется? Так для чего же мне тогда оставаться в аспирантуре? Ведь это означает ещё, что и материально мы будем стеснены: аспирантская стипендия - это всего лишь 78 рублей в месяц, а надо ещё и за комнату платить. Родители, конечно, не откажутся помогать, но сколько же времени их доить можно? Наконец, Ладушкин - это же временный вариант. Если удастся за время аспирантуры сделать диссертацию и защитить её, то те же проблемы будет легче решать. А одиноко тебе здесь и в моё отсутствие не будет - всё-таки рядом моя мама и сёстры...

— По мере того, как я убеждал Сашеньку, росла и моя собственная убеждённость в том, что Ладушкин - это, действительно, наилучший вариант. Чтобы моя агитация не была голословной, я предложил Сашеньке съездить вместе со мной на станцию, посмотреть всё самой. Если удастся - поговорим с Суходольским насчёт работы, может, ещё и вакансий-то нет, или уже все квартиры распределены.

— На том и порешили.

В этот наш совместный визит на станцию мы застали Суходольского на месте и поговорили с ним в его начальническом кабинете. Суходольский оказался крупным загорелым блондином в возрасте от 35 до 40 лет. В беседе с ним сведения, полученные от Юры и Стасика, подтвердились. Магнитолог для станции, действительно, нужен, но требуется в первую очередь инженерное обслуживание, хотя и научная работа не

возбранился.

— Эта сторона вопроса нас не пугала, так как у Сашеньки опыт работы с магнитометрической аппаратурой имелся ещё с экспедиционных времён, но пренебрежительное отношение к научно-исследовательской работе удивляло: всё-таки станция принадлежит академическому институту, где наука по идее должна ставиться во главу угла. У Суходольского же снисходительное отношение к чистым "научникам" проглядывало вполне отчётливо. Только что от него один такой чистый теоретик уже сбежал. Но его можно было и понять - станция находилась в стадии становления, первоочередными были проблемы её технического функционирования как наблюдательного геофизического пункта.

— Квартиру Суходольский обещал. Двухкомнатную. Однако окончательно вопрос о приёме на работу мог быть решён только в самом ИЗМИРАНе. Суходольский имел полномочия принимать на работу только средний и младший технический персонал, вопросы о приёме специалистов с высшим образованием решались дирекцией ИЗМИРАНа.

— Суходольский предложил Сашеньке написать заявление на имя директора ИЗМИРАНа, а он поставит свою визу. С этим заявлением Сашеньке нужно будет самой съездить в Москву, в ИЗМИРАН для окончательного завершения дела.

— Итак, надо было решаться. Но уже само обращение к Суходольскому фактически означало, что мы решились. И Сашенька написала заявление, а Суходольский его завизировал и отдал ей. Правда, возможность повернуть всё назад оставалась - ведь с заявлением этим надо было ещё ехать в ИЗМИРАН.

— Со станции мы с Сашенькой решили прогуляться пешком до Ладушкина. Мы прошагали пять километров по шоссе, с обеих сторон которого возвышался немолодой уже лес, большей частью сосновый с лиственным подлеском. Перед самым Ладушкиным обочины шоссе обсажены вековыми липами. Почти смыкаясь над шоссе своими кронами, они образовали впечатляющий тёмно-зелёный коридор с высоким сводом.

— Природа, действительно, здесь красивая, - вздохнула Сашенька. Она понемногу начинала смиряться со своей участью. Я же продолжал попытки воодушевить её, подчёркивая все положительные стороны этого поворота судьбы, которому, похоже, было суждено состояться.

— Этот поворот действительно определил многое в нашей дальнейшей судьбе. В Ладушкине мы с Сашенькой прожили девять лет, я - первые три года наездами из Ленинграда. И нельзя сказать, что эти годы Сашенька радовалась тому, что живёт здесь, скорее наоборот. Сначала она по-прежнему мечтала о Ленинграде, потом перестала, но стремилась перебраться хотя бы в Калининград.

— И какими же горькими слезами она заливалась, когда мы переехали из Ладушкина в Калининград! Какой удобной и счастливой стала казаться ей наша ладушкинская жизнь! Друзья рядом, природа, раздолье детям, ни тебе трамваев, пыли, проблем с яслями... И мне приходилось защищать уже преимущества жизни в Калининграде.

— Странно, будучи "злопыхателем" и "критиканом" в оценке нашего общества в целом, я предпочитал быть оптимистом в оценке собственной жизненной ситуации, умел ценить достоинства и преимущества своего положения, видел прежде всего его положительные стороны и старался не мучить себя бесполезными сожалениями по поводу того, что изменить я не был в силах. Это позволяло мне спокойно и без суеты делать то, что можно было сделать.

— Сашеньке же всякие мелочи бытия отравляли впечатление от жизни в целом, надолго портили ей настроение. Столкновения воображаемого "как должно быть" с реальным "что есть на самом деле" остро переживались ею, особенно в молодости, но жизнь всё же брала своё, и эти противоречия постепенно преодолевались.

(продолжение следует)